
ДЕТСКИЕ ДОМА И ТРУДКОЛОНИИ: ЖИЗНЬ «ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕТЕЙ» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920–1930-Е ГГ.*

Т.М. Смирнова

Центр изучения новейшей истории России и политологии
Институт российской истории Российской академии наук
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

На базе широкого круга источников в статье анализируется советский режим воспитания так называемых «государственных детей» (т.е. детей, лишенных родительской опеки и помещенных в детские учреждения закрытого типа) в 1920–1930-х гг. Особое внимание уделено проблемам финансирования и обеспечения детских учреждений различной подведомственности; методам воспитания «морально-дефективных» детей и несовершеннолетних правонарушителей; вопросам подбора воспитательно-педагогических кадров, а также наличия и действенности контроля их работы со стороны советских и партийных органов.

Ключевые слова: советское детство, «государственные дети», детские дома, трудколони, детские пайки, «морально-дефективные» дети, Деткомиссия ВЦИК, Наркомпрос РФ.

Изучение советского режима является одной из приоритетных тем современной отечественной исторической науки. В последние годы все более широкое распространение получает понимание того, что советский режим в действительности не был столь единым, унифицированным.

Речь в данном случае не идет о «режиме» как государственном строе, методе правления. Речь идет об определенном распорядке жизни, совокупности правил, норм, ценностей, мероприятий, формирующих некую социальную реальность.

В рамках советского режима существовали различные социальные реальности (1). В формировании этих реальностей наряду с господствующей коммунистической идеологией и социально-экономической конъюнктурой существенную роль играли и исторические традиции, сложившиеся социально-культурные практики.

Особое место в системе советских режимов занимают режимы воспитания детей, т.е. те условия, в которых дети выживали, росли, развивались физически, духовно и интеллектуально, приобретали личностные качества и навыки социализации.

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Повседневность, потребление и советский человек» по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

Дети и режимность в СССР – тема чрезвычайно широкая, включающая целый комплекс составляющих. Это, прежде всего, система воспитания в советских дошкольных детских учреждениях (ясли и сад), воспитание детей в школах и учреждениях внешкольного образования (пионерских домах, домах культуры, разнообразных секциях, кружках); жизнь детей в рамках октябрятской и пионерской организаций; их взаимоотношения внутри дворовых группировок; особенности семейного воспитания и воспитания в детских учреждениях закрытого типа; система профилактики детской преступности и прочих девиантных форм поведения детей и подростков и т.п.

В центре внимания данной работы – жизнь так называемых «государственных детей», т.е. детей, которые по тем или иным причинам были лишены родительской опеки и оказались на попечении государства. Эти дети оказались неизбежно втиснутыми в рамки определенного, зачастую довольно жесткого режима, которому были подчинены и их физическое развитие, и личностное формирование.

Прежде всего, необходимо определиться с тем, что именно мы понимаем под понятием «режим», говоря о детских учреждениях. Сюда входят такие основные составляющие, как:

- продовольственное обеспечение и режим питания;
- система обеспечения детских учреждений всем необходимым помимо продовольствия (включая одежду и предметы личной гигиены для воспитанников, посуду, мебель, топливо, учебные пособия и т.п.);
- воспитание детей, в том числе: формирование у них навыков самообслуживания, организация досуга и учебного процесса, идеологическое воспитание, воспитательные приемы и система наказаний;
- наличие и действенность системы контроля выполнения в детских учреждениях соответствующих законодательно-правовых норм, норм питания и обеспечения, профессиональной пригодности сотрудников, а также соответствия методов воспитания идеологическим принципам.

Поскольку основы режима в советских детских учреждениях, как и сама советская система защиты детей, в принципе сформировались в первые десятилетия советской власти, в данной работе речь пойдет о периоде 1920–1930-х гг.

Одним из ключевых, на мой взгляд, вопросов является вопрос о том, как именно формировался режим, в рамках которого должны были жить, взрослеть и проходить этап личностного становления дети, лишённые родительской опеки. Необходимо понять, в какой степени режим во всей совокупности этого понятия зависел от Центра (грубо говоря, «спускался сверху»), а в какой – формировался на местах усилиями местных властей, наиболее активных представителей общественности, руководства и сотрудников детских учреждений, а возможно, и при участии самих воспитанников этих учреждений, насколько гибким или жестким был этот режим и насколько действенным был контроль со стороны Центра; существовал ли (и в какой форме) контроль со стороны общественности.

Более или менее адекватно проследить процесс формирования основ режима в советских детских учреждениях можно лишь начиная с 1921 г.,

когда была создана Чрезвычайная комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК (Деткомиссия ВЦИК) – единый междуведомственный чрезвычайный орган, сосредоточивший в своем ведении все вопросы обеспечения детей и защиты их интересов (2).

До создания Деткомиссии ВЦИК защитой интересов детей и вопросами их обеспечения параллельно занимались несколько ведомств: Наркомсобес РСФСР, Наркомпрос РСФСР, Наркомздрав РСФСР и Совет защиты детей (4 февраля 1919 г. – 25 марта 1921 г.).

Четкого разделения функций между этими органами не было ни на практике, ни в теории.

Так, например, уже после передачи всей сети детских учреждений для так называемых морально-дефективных детей в ведение Наркомпроса в ряде местных отделов социального обеспечения (Мосотсобез и др.) продолжали функционировать (а порой и создавались новые) подотделы социального обеспечения дефективных несовершеннолетних.

Характер сложившейся в первые годы советской власти системы разделения функций между органами социального обеспечения и народного образования наглядно отражают слова из изданного в 1920 г. отчетного сборника Московского Совета Рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов: «... работа Отсобеза по борьбе с детской спекуляцией ограничена узким кругом подопечных; борьба же с детской спекуляцией в целом ведется МОНО» (3). Никаких пояснений о том, что это за «узкий круг подопечных» и каким образом координируется работа Отсобеза и МОНО по «борьбе с детской спекуляцией в целом», в тексте нет.

И без того запутанную ситуацию усугубляли бесконечные реструктуризации, передача тех или иных функций от одного ведомства другому. Навести порядок в этой сложной многоступенчатой и переменчивой системе был призван созданный в начале 1919 г. в качестве междуведомственного органа Совет защиты детей. Однако за два года своей деятельности Совет так и не смог наладить систематическую работу и не оправдал возложенные на него надежды (4). Фактически ситуация сложилась как в русской поговорке: «у семи нянек дитя без глазу».

К 1921 г. в Советской России неизвестны были не только численность беспризорных детей и детей, нуждавшихся в устройстве в детские учреждения, но и численность детских домов, школ и прочих детских учреждений, а также численность их воспитанников. Соответственно, и снабжение детских учреждений носило случайный характер, начала плановости в него были внесены лишь после создания Деткомиссии ВЦИК.

Первые послереволюционные годы характеризуются не столько созданием основ новой советской системы воспитания детей, сколько ликвидацией старой дореволюционной системы. Созидательная же деятельность разворачивалась преимущественно в сфере разнообразных (и, надо отдать должное, довольно интенсивных) теоретических изысканий. В 1920-е гг. ре-

гулярно проводились съезды по охране материнства и младенчества, педиатрические съезды, многочисленные общероссийские и региональные конференции, совещания и консультации, посвященные различным проблемам воспитания, обучения, оздоровления и общего развития детей.

Для систематической разработки этих проблем были созданы Дом Изучения ребенка (1918 г.) с уникальным Музеем детской дефектологии (5), Институт детского чтения (1920 г.) (6), Московский институт по изучению детской дефективности (7), Центральный педологический институт под руководством Н.А. Рыбникова (8), Научно-педагогический институт методов школьной работы Наркомпроса РСФСР (9) и многие другие научно-исследовательские учреждения (10). Результатом их деятельности стали разработка норм питания и правил здорового образа жизни, антропометрических таблиц и так называемых поведенческих норм развития ребенка; издание многочисленных санитарно-гигиенических инструкций.

Однако вся эта теоретическая деятельность в большинстве своем была совершенно оторвана от реальной жизни.

Так, в 1920-е гг. в условиях голода и стремительного роста детской беспризорности, преступности и смертности на базе Московского детского дома-лаборатории «Международная солидарность» (1921–1925 гг.) осуществлялись исследования по детскому психоанализу и «психоанализу бессознательного» (11).

В годы тотального дефицита в детских учреждениях элементарной медицинской помощи квалифицированные кадры были заняты исследованиями в области антропометрии, целью которых было «нахождение индексов, при посредстве которых было бы возможно без особо сложных измерений и вычислений выделить из масс школьного населения детей заведомо неблагонадежных в физическом отношении» (12). Санитарно-гигиенические инструкции и правила тех лет рекомендовали детям «не укутываться слишком тепло», «за столом чрезмерно не наедаться». Специальным санитарным комиссиям в школах было вменено в обязанность следить за чистотой школьных зданий, подавляющее большинство которых нуждалось в капитальном ремонте; контролировать состояние не существовавших в большинстве школьных зданий уборных и вентиляции, а также следить за личной гигиеной учащихся, проверять чистоту их белья и чулок (13).

По меткому выражению В.П. Лебедевой, с апреля 1918 г. возглавлявшей отдел охраны материнства и детства, это было время, когда представители власти «пригоршнями бросали лозунги в массу, ставили задания себе и торопливо, стремительно строили» (14). Внести плановые начала и единый общегосударственный порядок в это хаотичное (и порой бессмысленное) строительство попыталось руководство Деткомиссии ВЦИК, курировавшей все детские учреждения, независимо от их ведомственной подчиненности.

Фактически детские учреждения закрытого типа, то есть те, в которых дети проживали постоянно, находясь на попечении государства, были разделены между тремя основными ведомствами. Главным «детским» ведомством стал Народный комиссариат по делам просвещения РФ. В его ведении

помимо учреждений системы образования находилось подавляющее большинство всех детских домов, детских городков, приютов, распределителей и прочих детских учреждений закрытого типа с воспитанниками старше 3 лет, в том числе и специальные детские учреждения для слепых, глухонемых и так называемых морально-дефективных детей, поначалу находившиеся в ведении Наркомсобеса; разнообразные опытно-показательные детские учреждения («Опытный дом» Государственного психоневрологического института Наркомпроса РСФСР, Малаховская 4-я опытно-показательная станция Наркомпроса РСФСР и др.); детские дома для детей политэмигрантов, для испанских детей (15), детей III Коминтерна.

Детские учреждения для грудных детей и детей в возрасте до 3 лет находились в ведении Наркомздрава РФ. Детские исправительные учреждения (закрытые детские колонии и трудкоммуны), а также возникшие во второй половине 1930-х гг. детдома для спецпоселенцев находились в ведении НКВД РФ. Однако система исправительных детских учреждений была достаточно запутанной и не имела единой ведомственной принадлежности. Сеть детских учреждений для «трудновоспитуемых» детей оставалась в ведении Наркомпроса. Кроме того, в качестве исправительных учреждений в те годы нередко использовали детские дома для так называемых морально-дефективных детей.

Следует пояснить, что единых критериев идентификации «дефективных» и «морально-дефективных» детей не было. На практике данные понятия нередко использовали как синонимы.

Фактически дети с отставанием в развитии оказались объединены в одну группу с социально опасными, так называемыми «испорченными», «преступными» детьми. В частности, в соответствии с классификацией, разработанной подотделом дефективных несовершеннолетних Мосотсобеса, «дефективные» дети подразделялись на три группы: умственно-отсталых, морально-дефективных и промежуточную группу детей, «сочетавших в себе умственную отсталость с моральной испорченностью».

Морально-дефективные дети, в свою очередь, подразделялись по «степени дефективности» на три основные ступени. К первой ступени были отнесены дети «испорченные» («вороватые, лживые, жестокие и драчуны»), но «доступные исправлению»; ко второй ступени – «общественно-опасные» (ранее уличенные в совершении преступления), но все же «исправляемые» несовершеннолетние; к третьей – «преступные», «совершенно не исправляемые» (16). Таким образом, дети, совершившие уголовные преступления, автоматически попадали в категорию несовершеннолетних 2-й и 3-й ступеней «моральной дефективности».

Как показывают документы, на практике работники органов Наркомпроса и местные власти нередко не делали разницы между детьми с отставанием в развитии, трудновоспитуемыми детьми и несовершеннолетними правонарушителями: все они так или иначе относились к числу «дефективных».

К этой расплывчатой категории фактически можно было отнести любого ребенка, вынужденного искать способы выживания в экстремальной си-

туации послереволюционных лет и не имевшего возможности нормально развиваться в силу недоедания и отсутствия нормального воспитания. В результате здоровые дети, совершившие какие-либо правонарушения в поисках пропитания, зачастую оказывались в детских домах для умственно-отсталых детей, а дети с отставанием в развитии или с ограниченными физическими возможностями, в свою очередь, могли быть направлены в исправительные детские учреждения.

Так, например, в Институте трудового воспитания «Новая жизнь», созданном специально для перевоспитания девочек-правонарушительниц, в 1930-е гг. помимо девочек, совершивших правонарушения, «вступивших в раннюю половую связь и оторвавшихся от школы и трудовой жизни», проживали также «физически-дефективные и умственно-отсталые девочки», не совершавшие никаких правонарушений (17).

Таким образом, очевидно, что жизнь «государственных детей» 1920–1930-х гг. не укладывается в рамки какого-либо единого режима. Втиснуть ее в рамки трех определенных режимов исходя из ведомственной принадлежности детских учреждений (детские учреждения Наркомздрава, Наркомпроса и НКВД) также невозможно. Помимо ведомственной принадлежности на формирование режима жизни их воспитанников влияли и многие другие факторы.

Как известно, функционирование любого учреждения зависит от его финансирования. Поэтому на вопросе о финансировании детских учреждений закрытого типа следует остановиться несколько подробнее.

Финансирование советских детских учреждений: сметы и реальность. Несмотря на свою значимость, проблема финансирования детских учреждений до сих пор не получила должного внимания исследователей. Между тем проблема эта не только важна, но и весьма сложна и запутанна.

Вплоть до начала НЭПа финансирование детских учреждений формально должно было осуществляться государством. Наркоматы продовольствия и здравоохранения с участием Деткомиссии ВЦИК разрабатывали нормы питания (в годы неурожая активное участие в этой работе принимал также Наркомат земледелия).

Далее Деткомиссия ВЦИК, исходя из данных, полученных в ходе разнообразных обследований и опросов, составляла заявки на обеспечение детских учреждений необходимым количеством продовольственных пайков. Исходя из этих заявок, отдел культуры Наркомфина составлял проект смет. Средства, необходимые на отопление, ремонт, приобретение санитарно-гигиенических средств, одежды и обуви, расходы на учебные пособия и культурные мероприятия также рассчитывались Наркомфином с учетом заявок Деткомиссии, рекомендаций Наркомпроса и Наркомздрава.

В конечном итоге все сметы утверждались ВЦИК и СНК.

Забегая вперед, следует подчеркнуть, что на протяжении всего рассматриваемого периода итоговые сметы базировались преимущественно на проектах Наркомфина, которые в большинстве случаев предусматривали значительно меньшие расходы, чем проекты Деткомиссии и Наркомпроса.

Работники Наркомфина, исходя из реальной экономической ситуации, сознательно занижали сметы на содержание детей в госучреждениях, порой откровенно игнорируя рекомендации Деткомиссии и Наркомздрава. Однако главная причина недостаточного снабжения детучреждений заключалась в тот период отнюдь не в «скупости» Наркомфина, а в том, что утвержденные центром сметы существовали лишь на бумаге.

Вопреки грандиозным планам советского руководства по переустройству жизни детдомовцев в соответствии с провозглашенным в Советской Республике новым положением ребенка в обществе и государстве фактически деятельность Наркомпроса, Совета защиты детей, а позже и Деткомиссии свелась к спасению их от голодной смерти (18). В связи с чем именно на примере продовольственного обеспечения можно наиболее наглядно проследить пропасть между реальным обеспечением детских учреждений и утвержденными нормами.

Поначалу разработки о калорийности детского питания, необходимом детям количестве жиров, белков и т.п. носили рекомендательный характер. Единых общегосударственных норм продовольственного пайка не было. В каждой губернии были установлены свои суточные нормы питания исходя из местных условий.

В подавляющем большинстве регионов (во Владимирской, Воронежской, Калужской, Псковской и других губерниях) эти нормы были едиными для всех воспитанников детских учреждений закрытого типа, независимо от их возраста и статуса учреждения. В ряде губерний детские пайки дифференцировались по возрасту, а иногда и по состоянию здоровья детей. Так, в Москве и Московской губернии были разработаны 3 категории детских пайков: для детей 3–8 лет; 8–16 лет; а также для «дефективных» детей и детей, находящихся на санаторном лечении.

В Иваново-Вознесенской губернии были разработаны два типа продовольственного пайка: для детских домов дошкольного типа, в которых воспитывались дети от 3 до 8 лет; и для детских домов школьного типа, в которых воспитывались дети от 7 до 18 лет. Ниже приводятся суточные нормы питания «государственных детей», утвержденные в 1921 г. в Московской и Иваново-Вознесенской губерниях.

Таблица 1

**Суточные нормы питания (в золотниках (19))
для детских учреждений Москвы и Московской губернии, 1921 г. (20)**

Наименование продуктов	Для детей от 3 до 8 лет	Для детей от 8 до 16 лет	Для «дефективных» детей и детей, находящихся на санаторном лечении
1	2	3	4
Хлеб	72	96	72
Мясо или рыба	25,6	35,2	38,4

Окончание табл. 1

1	2	3	4
Жиры	6,4	6,4	7
Крупа	15	27,2	32
Овощи	9,6	1,5	4,8
Картофельная мука	0,8	3,2	3,2
Клюква или компот	3,2	3,2	12
Соль	3,2	3,2	3,2
Подправка	4	2	2
Приправа	3	3	3
Сахар	6,7	6,7	6,7
Кофе	1,2	1,2	1,6
Яйца	20 шт. в месяц	–	1 шт. в день
Молоко	–	–	1 стакан

Таблица 2

**Суточные нормы питания для детских учреждений
Иваново-Вознесенской губернии, 1921 г. (21)**

Наименование продуктов	Детские дома и колонии для детей от 3 до 8 лет	Детские дома и колонии для детей от 7 до 18 лет
Мука или хлеб	0,75 фунта (22)	0,75 фунта
Мясо	25,6 зол.	0,25 фунта
Жиры	2,1 зол.	6 зол.
Крупа	12,8 зол.	24 зол.
Сахар	6,4 зол.	6 зол.
Соль	1,6 зол.	3 зол.
Картофель	43 зол.	64 зол.
Корнеплоды	32 зол.	48 зол.
Яйца	0,75 шт.	1 шт.
Молоко	2 стакана	1 стакан
Кофе	1,2 зол.	0,25 фунта в месяц
Клюква	3,2 зол.	–
Картофельная мука	0,8 зол.	–
Приправочная мука	–	0,5 зол.

В среднем по стране в начале 1920-х гг. каждому воспитаннику закрытого детского учреждения независимо от его ведомственной принадлежности в сутки полагалось 200–300 г хлеба, около 100 г мяса или рыбы и столько

же крупы, 300–400 г картофеля, по 12 г соли и сахара. В ряде губерний в продовольственную норму включали также яйца (20 шт. в месяц), молоко (по 1 стакану в день) и овощи или сухофрукты (около 200 г в день).

Однако на практике питание детей в лучшем случае состояло из пшенной каши на воде, гороховой похлебки и суррогатного хлеба, практически не пригодного к употреблению. Особенно скудным – и по количеству и по качеству – было питание в детских учреждениях для так называемых «дефективных» детей, которым по нормам полагался усиленный паек, приравненный к пайку в санаториях.

В начале 1930-х гг. в обеспечении детских учреждений наметились некоторые улучшения. Примерные нормы пайка при этом практически не изменились, за исключением, пожалуй, норм хлеба и молока. Так, например, в Москве суточную норму хлеба увеличили до 400 г (по 200 г белого и черного) для воспитанников дошкольных детских домов, и до 500 г (по 250 г белого и черного хлеба) – для воспитанников детских домов школьного типа. Молока всем детям полагалось по пол-литра в день.

Таблица 3

**Нормы расходов на питание в детских домах Наркомпроса в 1932 г.
(в день на 1 воспитанника) (23)**

Наименование продуктов	Детские дома дошкольного типа	Детские дома школьного типа
Хлеб	400 г	500 г
Мука пшеничная подболтная	16 г	16 г
Мясо или рыба	50–55 г	50–55 г
Рыба	50 г	50 г
Масло животное	20 г	20 г
Крупа, макароны	65 г	65 г
Сахар	40 г	40 г
Яйца	10 шт. в месяц	10 шт. в месяц
Молоко	0,5 л	0,5 л

Во второй половине 1930-х гг. нормы продовольственного пайка подверглись существенной корректировке. Была заметно увеличена хлебная норма, существенно расширили ассортимент и объем молочной продукции. В обязательный паек вошли такие продукты, как творог, сыр голландский и сметана. Увеличение норм обеспечения крупами также сопровождалось расширением ассортимента с условием преобладания гречневой крупы. С 1938 г. в обязательный паек детских домов Наркомпроса вошли также печенье и конфеты монпансье.

Таблица 4

**Нормы расходов на питание в детских домах Наркомпроса,
1937–1938 гг. (на 1 воспитанника) (24)**

Наименование продуктов	1937 г. в месяц, кг	Цена продукта в 1937 г., руб.	1938 г. в месяц, кг	Цена продукта в 1938 г., руб.
Хлеб черный	8	0,85	9	0,85
Хлеб белый	8	1,7	9	1,7
Крупа греч.	2	4,3	2	4,3
Крупа манная	0,3	4,5	0,3	4,5
Крупа рисовая	0,3	6,5	0,3	6,5
Макароны	0,5	3,4	0,5	3,5
Мясо	2	7,4	3	8
Рыба	1,5	3,8	1,5	3,8
Сметана	0,5	10	0,5	6
Творог	1	1,3	1	2
Масло животное	0,5	16	1,5	16,5
Яйца	10 шт.	5,5 за десяток	10 шт.	5,5 за десяток
Сахар	2	4,6	2	4,1
Чай	0,1	0,80 за 10 г	0,1	0,8 за 10 г
Масло растительное	0,5	14,5	0,5	13
Картофель,	10	0,25	0,1	0,25
Овощи	10	0,25	10	0,3
Соль	0,5	0,14	0,5	0,07
Молоко	7,5 л	1,10	7,5 л	1,1
Сыр голландский	–	–	0,4	16
Сухие фрукты	–	–	0,5	8
Конфеты (монпансье)	–	–	0,5	6,3
Печенье из муки 75%	–	–	1	7,05
Мука подболтная	–	–	0,5	2,9

Указанные нормы были основаны на сметах Наркомфина.

Однако эти сметы неизменно вызывали критику со стороны Деткомиссии ВЦИК и руководства детских учреждений. Так, в направленном в Совнарком по итогам расширенного совещания сопроводительном письме Деткомиссии к смете Наркомфина 1938 г. подчеркивалось, что в соответствии с

заключением Института питания Наркомздрава и наблюдениями сотрудников детских домов детям в месяц необходимо не менее 3,5 кг мяса (смета предусматривала лишь 2 кг) и не менее полутора килограммов животного масла (в смете было заложено 500 г) (25).

Наряду с продовольственными расходами в указанном письме подверглись критике и прочие расходные статьи сметы. В частности, Наркомфин не предусматривал расходы на личную переписку воспитанников детдомов. Руководство Деткомиссии, в свою очередь, считало необходимым выделить на личную переписку воспитанников детдомов не менее 2 руб. 88 коп. на человека в год (из расчета 12 конвертов, 12 марок и 12 листов бумаги на каждого воспитанника в год).

Серьезные опасения руководства Деткомиссии вызвал и тот факт, что в смете не были заложены даже минимальные расходы на транспорт, что фактически лишало воспитанников детдомов возможности совершать более или менее отдаленные поездки: экскурсии, выезд на лечение, на отдых и т.д.

В более выгодном положении в этом отношении оказывались воспитанники детских домов, имевших лошадей. Однако и здесь не все было благополучно, поскольку заложенное в смете содержание лошади было, по утверждению руководства Деткомиссии, существенно занижено. Деткомиссия также обратила внимание Совнаркома на несостоятельность предложенных Наркомфином расчетов расходов на отопление детских домов, на санитарно-гигиенические мероприятия и т.д.

В целом, как указывалось в письме Деткомиссии в Совнарком, общая сумма хозяйственных расходов в детдомах «нормального типа» в год в смете Наркомфина 1938 г. была занижена почти на 40 руб. (что составляло около четверти заложенной в смете суммы), а расходы на средства личной гигиены воспитанников были занижены почти на 11 руб. (что составляло примерно половину заложенной на год суммы) (26).

Однако и эти, явно недостаточные средства, предусмотренные сметами Наркомфина, на пути к детским домам подвергались многократным корректировкам в сторону их сокращения.

Выплата средств осуществлялась из местных бюджетов, и региональные власти нередко по своему усмотрению занижали принятые нормы. Первое сокращение проходило на уровне республиканских правительств. Так, например, в декабре 1935 г. СНК Киргизской АССР по собственному усмотрению снизил установленные СНК РСФСР нормы содержания воспитанников детдомов в год с 1045 руб. 60 коп. до 946 руб. на человека (27). Затем нормы ассигнования пересматривали в сторону сокращения (порой радикального) краевые и областные финансовые отделы. В частности, Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет в 1934 г. снизил норму финансирования питания воспитанников детдомов с 400 до 122 руб. в год на человека (28).

В завершение этой цепочки сокращений ассигнования пересматривались районными финотделами. Но и окончательные, многократно сокра-

щенные нормы ассигнований доходили до детских домов преимущественно не своевременно и не в полном объеме.

В отчетах и многочисленных докладных записках председатель Деткомиссии ВЦИК Н.А. Семашко неоднократно сетовал на «преступное невыполнение» местными финансовыми отделами распоряжений Правительства и Наркомфина. «...Многие исполкомы и горсоветы – сообщает, в частности, председатель Семашко председателю ВЦИК М.И. Калинину в секретном донесении от 11 апреля 1934 г. – снижают нормы содержания детей... несмотря на то, что СНК РСФСР утвержден специальный бюджет для детдомов... В результате дети остаются голодными, грязными, оборванными и наблюдается массовое бегство ребят из детских домов и пополнение улиц “беспризорными”» (29).

«Недофинансирование» детских учреждений, прежде всего детдомов, становится в 1920–1930-е гг. обычным явлением (30).

Так, Дорогобужскому школьному детдому Западной области, которому на содержание воспитанников по нормам полагалось 24 тыс. 198 руб., райисполком без каких бы то ни было пояснений установил финансирование в размере 16 тыс. 332 руб.; реально же перечислено было всего 8 тыс. руб. Жиздринскому детскому дому той же области за первый квартал 1934 г. вообще не были отпущены никакие средства, и 217 проживавших в нем детей оказались переведены «на подножный корм». Баранниковской детской колонии Ростовской области в июне 1938 г. вместо положенных по нормам 23 тыс. руб. на питание было перечислено 3 тыс. 800, т.е. менее пятой части. Пролетарскому детскому дому вместо 12 тыс. 500 руб. было перечислено 4 тыс., т.е. менее трети положенных средств (31). И т.д.

Сложилась парадоксальная ситуация, когда партийные органы были вынуждены принимать специальные постановления с решениями «предложить» государственным продовольственным организациям выдавать воспитанникам детдомов положенную норму жиров (32).

Еще хуже обстояло дело с ассигнованиями на прочие статьи расходов. Особенно неохотно финотделы выделяли детдомам деньги на ремонт, культурные и оздоровительные мероприятия. По данным Семашко, эти статьи расходов местные финотделы в подавляющем большинстве полностью игнорировали (33).

Помимо недофинансирования, широкое распространение на местах получило и нецелевое использование средств. «Стало обычным правилом, – подчеркивает, в частности, Н.А. Семашко в секретном донесении М.И. Калинину в апреле 1934 г., – что Исполкомы и Горсоветы средства, отпускаемые государством на содержание детских домов, расходуют не по назначению (на постройку мостов, на содержание домов отдыха, на содержание пожарной команды, колхозных рынков и т.д... Можно было бы привести целый ряд возмутительнейших примеров, как обворовывают ребят... как загоняют детские деньги на нужды, никакого отношения к детям не имеющие и т.д. и т.п.» (34).

Помимо откровенного расходования не по назначению ассигнований на детские учреждения достаточно широкое распространение получили и разнообразные завуалированные формы нецелевого использования средств, а также использование средств не по назначению в силу халатности и нерадивости государственных служащих на местах. В 1930-х гг. нередко практиковался, например, такой порядок, при котором деньги детским домам перечислялись местными финотделами с сильным опозданием, а в конце года областные финансовые отделы все не перечисленные в срок деньги списывали со счетов райфинотделов как «неиспользованные». Местные продкомы, в свою очередь, под разными предлогами затягивали поставку продовольствия, в результате часть перечисленных детским домам средств в конце года также списывали как «неиспользованные», но уже со счетов детских домов.

В сложившейся ситуации фактически спасение детей зависело от добросовестности, инициативности и элементарной порядочности персонала детских учреждений и руководства местных властей. Известно немало случаев, когда воспитанники детских учреждений выживали, росли и развивались именно благодаря заботе и инициативности воспитателей, которые за свой счет подкармливали детей, организовывали при детдомах подсобные хозяйства; договаривались с местным населением о поставке детям молока и овощей; шили своим воспитанникам одежду и даже мастерили некое подобие обуви (35).

Однако более распространенной была обратная ситуация. Как показывают документы, на протяжении всего исследуемого периода на всех уровнях и по всей цепочке снабжения детей, включая столовые в самих детских учреждениях, процветали хищения. Регулярные обследования Деткомиссии свидетельствуют о систематическом воровстве в детских домах продуктов, одежды, постельного белья, мыла и т.п. В ряде детских домов, как указывается в документах, персонал (а иногда и их родственники) фактически существовали за счет детских пайков (36).

Не меньший ущерб, чем воровство, наносили детям халатность и равнодушие сотрудников детучреждений.

В ходе обследований проверяющие нередко сталкивались с ситуацией, когда воспитанники жили впроголодь, спали на кроватях без матрасов и постельного белья, ходили в обносках, в то время как на складах гнили мешки с мукой, пылились сотни метров не использованной мануфактуры или стопки постельного белья и матрасов (37).

Так, например, в Каменецком детдоме Кромского района в 1934–1935 гг. при наличии большого запаса муки голодным детям выдавали в день лишь по 200 г хлеба (38).

Воспитанники московского детского дома № 3 (на ст. Правда) в 1935 г. жили в грязи в помещении бывших конюшни и поросятника. К моменту проверки дети не мылись уже 28 дней, им не меняли ни нательное, ни постельное белье, не давали теплую одежду. При этом на складе пылились бо-

лее тысячи чистых простыней, 1200 наволочек, 1300 полотенец, 300 пальто и т.д. (39).

Комментируя сложившуюся ситуацию, проверяющие Деткомиссии систематически подчеркивали в своих отчетах и актах об обследованиях значимость личного фактора в деле улучшения как снабжения детей, так и их положения в целом. Ссылаясь на огромный фактический материал, проверяющие показывали, что даже при наличии равных прочих условий (ведомственная принадлежность, региональная подчиненность и финансирование) в детских домах, где персонал «болел за свое дело», ситуация радикально отличалась от тех детских учреждений, где персонал работал «по казенному», где процветали халатность и равнодушие (40).

Так, например, в 1926 г. обследование детских домов Нижегородской губернии показало, что при одинаковом финансировании продовольственного обеспечения (25 коп. в день на питание одного ребенка) реальное качество питания воспитанников детских домов губернии разительно отличалось. Если в одном из обследованных детдомов детям давали «молоко, иногда какао, кофе, макаронны, лапшу, грибы, горох, масло скоромное, сметану, сало», то в соседних детдомах дети не получали и половину указанных продуктов, зачастую почти голодали (41).

Достаточно благополучная ситуация сложилась в конце 1920-х гг. в Вологодском детском доме. Коллектив работников, как показало обследование Деткомиссии, проявлял к детям «исключительное внимание и заботу». Между тем в целом в Вологодской губернии положение воспитанников детских домов было плачевным, если не сказать катастрофическим: голодные дети были одеты в лохмотья, не получали никакой медицинской помощи. Работа персонала в этих домах «протекала самотеком», царили халатность и равнодушие, доходящие до «преступной жестокости» (42).

В материалах обследований неоднократно подчеркивалось, что все имеющиеся в детских учреждениях «достижения» обусловлены не государственной политикой, а, прежде всего, «преданным и добросовестным отношением» к своей работе персонала детских домов; и что сокращение беспризорности происходит лишь «в тех краях и областях, где секретари Обкомов и председатели Исполкомов лично уделяют внимание» решению этих проблем, и делают это не «по казенному», для отчетности, а в интересах детей (43).

Таким образом, мы переходим к кадровому вопросу: кто и как работал с детьми в детских учреждениях закрытого типа.

«Кадры решают все». Известное сталинское выражение «кадры решают все» как нельзя лучше отражает ситуацию в сфере воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Пресловутый личный фактор оказался здесь значительно важнее, чем законы, инструкции, нормы и финансовые сметы.

Кадровому вопросу в сфере воспитания и обучения нового поколения изначально придавалось огромное значение, как вопросу политической значимости. Считалось, что с детьми должны работать люди, обладающие не

только высокими профессиональными качествами, но и соответствующей идеологической подготовкой. Причем последнему зачастую придавали даже большее значение, чем профессионализму и уровню образования.

Однако на деле не хватало не только «идеологически грамотных» опытных воспитателей, но и просто мало-мальски грамотных людей. К тому же зарплату работникам детских учреждений платили крайне нерегулярно. Так, в начале 1920-х гг. работники детских учреждений не получали зарплату по несколько месяцев, часто не имели нормального жилья, были уставшими и озлобленными. В ряде губерний (Астраханской, Самарской, Саратовской, Царицынской и других) учителя практически не получали зарплату с 1919 до 1921–1922 гг. (44).

По данным Наркомпроса, в 1921 г. нищенство среди учителей достигло 100% в 14 губерниях, а в остальных – 30–40% (45).

Условия работы в детских домах были крайне тяжелыми: тотальный дефицит всего необходимого, включая помещения; перегруженность детских учреждений воспитанниками в 2 и более раз; высокая заболеваемость как детей, так и сотрудников; отсутствие медикаментов и квалифицированной медицинской помощи и т.д. Все это привело к высокой «текучке» кадров в детских учреждениях и «засорению» их людьми, не умеющими, да порой и не желающими работать с детьми.

Наиболее тяжелая кадровая ситуация сложилась именно в детских учреждениях закрытого типа, где проживали дети, лишенные родительской опеки.

Сотрудники этих детских учреждений делились в основном на две категории: энтузиасты своего дела и случайные люди, в числе которых оказались и аферисты, и вчерашние уголовники. Первых, к сожалению, оказалось меньшинство.

Важное место среди истинных энтузиастов занимали «старые» работники системы просвещения. Были и молодые энтузиасты, не имевшие опыта и соответствующей квалификации, но искренне переживавшие за своих воспитанников, мечтавшие построить государство счастливого детства.

Однако подавляющую часть персонала детских домов составляли люди, которым просто надо было где-то работать, как-то обеспечивать себя и свои семьи.

Среди этих, случайных в системе охраны детства, людей нередко встречались бывшие офицеры, выходцы из духовенства и прочих социально чуждых слоев. Их неоспоримым преимуществом было хорошее образование. Будучи по своему происхождению представителями «социально чуждых» пролетариату слоев, эти люди обычно держались за свои рабочие места, были осторожны, и их профессиональные нарушения редко выходили за рамки халатности и «безынициативности».

Но среди тех, кто устраивался на работу в детдома и интернаты не по призванию, а в «поисках хлебного места», в те годы было немало не просто неквалифицированных работников, но лиц, не отягощенных нравственными

принципами, как просто «лодырей» и пьяниц, так и откровенных аферистов и воров.

В конце 1920-х гг. численность последних резко возросла, после того как в результате «чисток» совapparата в сфере охраны материнства и детства образовалось множество вакансий, которые приходилось в спешке заполнять случайными людьми (46). Нередко на работу принимали тех, кто ранее уже работал с детьми и был уволен за такие грубые нарушения, как жестокое обращение с детьми, растраты и т.п. (47). В результате в детдомах и колониях еще более широкое распространение приобрело воровство продуктов и вообще всего, что можно было украсть у «государственных детей», включая матрасы и кровати.

В середине 1930-х гг. Н.А.Семашко не раз с горечью писал М.И. Калинину и Н.С. Хрущеву о том, как сотрудники детских учреждений обворовывали своих подопечных, заставляли их по несколько дней «жить и спать на одной кровати с мертвецами»; как представители местной власти забирали себе продукты, полученные в подсобных хозяйствах детских домов; и т.п. (48).

Вот лишь несколько из обнаруженных в ходе проверок фактов.

В Московском детдоме № 3 в 1935 г. на приготовление обеда для всех воспитанников в день расходовали в среднем 25–30 кг мяса вместо положенных 64 кг. «Сэкономленное» таким образом мясо шло на пропитание сотрудников. Только за вторую половину ноября 1935 г. обслуживающий персонал этого детского дома, по подсчетам проверяющих, съел детские продукты на общую сумму 12 тыс. руб. (49).

В Полетаевском детдоме Челябинской области в июле 1936 г. детей (многие из которых были больны, в том числе и малярией) на время ремонта разместили прямо на улице, под навесами для скота и утвари. Прикрепленный к детдому врач больных детей не посещал, а если и являлся на срочные вызовы, то преимущественно в состоянии сильного алкогольного опьянения.

В Щербаковском детдоме той же области прикрепленный врач посещал детей не чаще одного раза в 2 месяца.

Заведующий Коровинского детского дома Челябинской области скрылся, прихватив с собой 2,5 тыс. руб. (50).

Следует подчеркнуть, что указанные выше правонарушения были привычным явлением и обычно оставались безнаказанными, а если и преследовались, то в основном по партийной линии. Даже сбежавших с деньгами и материальными ценностями сотрудников детских домов (а таковых было немало) зачастую не только не подвергали уголовному преследованию, но даже и не пытались разыскивать.

Так, уволенный из Ростокинского приемника за растрату Матвеев не только не понес никакого наказания, но более того, был принят на работу в другой детский дом в качестве заведующего отделением для девочек. Вскоре после этого из детского дома началось массовое бегство доверенных работам Матвеева воспитанниц.

Заведующий Бело-Бережским детским домом Сорокин, осужденный за мошенничество на 1 год принудительных работ, после вынесения приговора благополучно продолжал «воспитывать» детей в том же детдоме (51).

На сложившееся в Челябинской области катастрофическое состояние медицинской помощи воспитанникам детских учреждений (точнее, ее полное отсутствие, несмотря на наличие прикрепленных к детдомам медработников) местные и центральные органы народного образования и здравоохранения обратили внимание лишь после специального доклада по этому вопросу председателя Деткомиссии Н.А. Семашко на заседании ВЦИК. По итогам этого заседания были объявлены выговоры заведующим Челябинским ОблОНО, Челябинским облздравотделом и председателю Челябинской ОблДеткомиссии, после чего все указанные должностные лица продолжили трудиться в тех же должностях.

Отсутствие строгих мер по отношению к руководству детских учреждений и их воспитателям обычно оправдывалось острой нехваткой кадров, постоянной текучкой, о которых говорится практически во всех отчетах Деткомиссии.

Так, например, в Московском детском доме № 3 в 1935 г. из-за отсутствия педагогов учебные занятия в некоторых группах начались только 1 декабря, а в некоторых – так и не начались.

После того как заведующий Коровинского детдома сбежал с украденными у детей деньгами, его должность оставалась свободной около года. В течение всего этого времени 110 воспитанников были на попечении одного единственного воспитателя (52).

Острая нехватка квалифицированных кадров вынуждала центральное руководство смотреть «сквозь пальцы» не только на профессиональные и морально-нравственные качества персонала, но и на так называемое «политическое лицо» воспитателей.

Вопреки сложившимся стереотипам, даже в печально известные 1936–1938 гг., отмечая низкий уровень политической грамотности воспитателей и необходимость бороться за ее повышение, правительство, тем не менее, довольно лояльно относилось к подобным фактам. Как показали проверки, в регионах в конце 1930-х гг. большинство воспитателей детдомов были «политически малограмотны», «не разбирались в самых элементарных политических вопросах», таких, как события в Испании, содержание Конституции СССР; многие даже «не знали вождей партии и правительства».

Вот лишь несколько примеров ответов, данных воспитателями детских учреждений Саратовской области в январе–феврале 1937 г.: «Секретарь ЦК ВЛКСМ – Косарев или Постышев»; «Сталин – секретарь ЦК, а какого – позабыла...»; «Кто Нарком просвещения не знаю...»; «Сталин – председатель ЦИКа, а Калинин – секретарь ЦИКа, кто Ворошилов и Каганович – не знаю»; «в СССР есть колонии, а кто такой Молотов я не знаю, он очень похож на Ворошилова, я их путаю»; и т.д. (53). Никаких санкций к проявив-

шим политическую неграмотность воспитателям по итогам проверки применено не было.

Проводимые в 1930-х гг. периодические проверки из года в год вскрывали все те же нарушения и злоупотребления, что и в предшествующее десятилетие: воровство и самовольное сокращение продовольственных пайков; отсутствие в детских учреждениях медицинской помощи; замена полученной для воспитанников новой одежды и обуви на старую, изношенную; сдача в аренду детских спален и даже отдельных кроватей и матрасов; размещение детей в сараях и конюшнях; пьянство персонала; грубое обращение с детьми и недопустимые методы воспитания (как, например, лишение обеда или задержка обеда на 2–3 ч; запрет выходить из спальни, в том числе и на школьные занятия, и т.п.); растление малолетних воспитателями; и т.д.

Самыми незащитными перед халатностью, равнодушием и произволом воспитателей и технического персонала оказались больные и «морально дефективные» дети (54).

С другой стороны, воспитатели тоже зачастую страдали от своих подопечных. В ряде детучреждений ситуацию контролировали вчерашние беспризорники, перенесшие в детский дом привычные им законы улицы и стиль жизни беспризорников (воровство, драки, игра в карты, пьянки, наркотики, растление младших воспитанников). В таких детских учреждениях воспитатели нередко «опускали руки», понимая, что «ничего поделывать не могут», и предпочитали ни во что не вмешиваться и как можно реже попадаться на глаза своим воспитанникам, «так как те грозили их поколотить» (55).

Систематические проверки и обследования фиксировали одни и те же нарушения и недостатки в работе детских домов и колоний. На основании проверок неизменно принимались решения о необходимости проведения тех или иных срочных мер, искоренении тех или иных недостатков; составлялись планы улучшения работы с детьми.

Однако новые проверки показывали, что практически ничего не изменилось. Вновь и вновь утверждались акты об обследовании, принимались решения и планы, содержание которых практически полностью повторяло содержание аналогичных документов прошлых лет. «...Нет ни одной области, края, республики, – говорится, в частности, в секретном донесении председателя Деткомиссии Семашко председателю ВЦИК М.И. Калинину от 11 апреля 1934 г., – где бы в результате наших обследований не выносились решения об “улучшении” дела (в Курске за один год было вынесено 14 таких решений об улучшении положения детдомов). И все эти решения, как правило, остаются на бумаге: дети по-прежнему остаются в ужасных условиях...» (56).

Вот, например, два отрывка из писем воспитанников детских домов, написанных с разницей в 16 лет:

«Ведь мы заброшены, как щенки, которые рождаются слепые, ведь мы здесь воровать научимся. Скажите всем ребятам, что, кто сюда попадет, тот

все равно калекой будет на весь век» (1921 г., из письма воспитанников Подкопаевского приюта г. Москвы) (57).

«Бабуся, здесь очень плохо, потому что мальчики пристают и бьют, а если скажешь воспитательнице, тогда еще хуже. Если я останусь здесь, то выйду из детдома какой-нибудь калекой или нехорошей девчонкой, и тогда дело плохо. Бабуся, если я здесь останусь, то тогда вы сами покаетесь. Девочки живут и все время трясутся. Только пока спят ничего не чувствуют. Мы переживаем ужасные страхи. Каждый день наши мальчики пристают к девочкам с плохими делами, вот, бабушка, если можете, то спасите своего ребенка» (1937 г., из письма воспитанницы Детгородка № 2 Саратовской области в редакцию журнала «Коммунист») (58).

Аналогичных примеров можно привести множество.

Тем не менее было бы ошибкой давать на этом основании какие-либо однозначные оценки. Наряду с указанными мрачными картинами жизни детей в детских домах можно привести и немало иных примеров, когда дети в детдомах учились, ездили на экскурсии, посещали театры и кинематограф и главное – была создана основа их последующей успешной социализации.

Надо отметить, что руководство Деткомиссии ВЦИК уделяло довольно большое внимание культурно-массовой работе и в том числе организации киносеансов и экскурсий. Так, в соответствии с планом Деткомиссии ВЦИК на 1938 г. на культурно-бытовую работу в детских домах предусматривались следующие расходы:

- 1000 руб. на проведение революционных праздников (украшение зданий, оформление колонн и т.д.);
- 960 руб. на организацию киносеансов, из них 2 раза в месяц – немое кино (480 руб. в год) и 1 – звуковое (480 руб. в год);
- 116 руб. – трансляция радио и мелкий ремонт репродукторов;
- 678 руб. – экскурсии отличников в областные центры (400 руб. на питание и квартиры; 278 руб. на железнодорожные билеты);
- 32 руб. – расходы на транспорт внутри города;
- 60 руб. – расходы на театр.

План культурно-массовых мероприятий 1938 г. предусматривал также проведение новогодних елок, однако без выделения на них какого-либо финансирования (59).

На практике, как именно распределить полученные на культурно-массовые мероприятия средства, решало руководство детских домов. В некоторых детских домах большое внимание уделяли музыке, в других – спорту или искусству, где-то – идеологическому воспитанию; в ряде же детских учреждений в основу работы, к сожалению, было положено личное благополучие персонала.

Так, например, в 1938 г. детским домам Горьковской области на культурно-массовую работу выделили по 10 тыс. руб. Руководство дошкольного Детского дома № 1 Борского района решило закупить на эти деньги музыкальные инструменты (гармонь венскую, 2 гитары и 3 балалайки) и 4 аквариума. Руко-

водство Княгининского детского городка помимо музыкальных инструментов заказало мячи, 6 бильярдных, шахматы, шашки, и пинг-понг. А руководство Варнавинского детского дома на всю полученную сумму решило закупить 5 бюстов вождей, 2 подставки под бюсты и 5 портретов вождей в рамках (60).

Таким образом, на практике условия жизни детей зависели не столько от норм и правил, сколько от пресловутого личного фактора: энтузиазма, профессионализма и элементарной порядочности руководства и воспитательно-педагогического коллектива детучреждений; от ответственности, заинтересованности и энергии местного партийного и советского руководства; от работы шефских организаций и предприятий, а также от активности общественности. Роль субъективного фактора оказалась более значимой, чем ведомственное подчинение детского учреждения и его тип.

Даже снабжение детских домов, качество питания их воспитанников, не говоря уже о психологической атмосфере и практикуемых методах воспитания, – все это, по свидетельству современников, зависело, в первую очередь, от личной инициативы, «пробивной сноровки», энергии и предприимчивости работников детдомов, от их отношения к своим подопечным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подробнее см.: Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т.С. Кондратьева, А.К. Соколов. – М., 2009.
- (2) Подробнее о создании и деятельности Деткомиссии ВЦИК см.: Смирнова Т.М. Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921–1924 гг.) // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. – М., 2003. – С. 486–528.
- (3) Красная Москва, 1917–1920 гг. – М., 1920. – Ст. 452.
- (4) ГАРФ. – Ф. Р-5207. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 14.
- (5) Дом изучения ребенка создан в 1918 г. на базе школы-санатории В.П. Кащенко для дефективных детей. В дальнейшем преобразован в Медико-педагогическую опытную станцию, которой руководил В.П. Кащенко.
- (6) Институт детского чтения был создан при Наркомпросе РСФСР в 1920 г., в 1923 г. реорганизован в отдел детского чтения Института методов внешкольной работы (ИМВР), с 1931 по 1933 г. – Институт детской литературы и детского чтения (ИДЛ и ДЧ). Подробнее см.: Безрогов В., Иванченко Г. Детское чтение: от начала к концу XX века // НЛЮ (Независимый филологический журнал). – 2010. – № 102; Калужская Ю.А. Становление и развитие отечественной педагогики детского чтения в первой трети XX века на примере деятельности Научно-исследовательского института детского чтения. – М., 2004.
- (7) Московский институт по изучению детской дефективности создан в 1919 г. в ведении Наркомздрава РСФСР, в 1921 г. преобразован в Медико-педологический институт, в 1924 г. передан в ведение Главпрофобра в качестве Московского института педологии и дефектологии; в 1925 г. объединен с педфаком 2-го МГУ.
- (8) Первое организационное собрание будущего Педологического института состоялось 20 июля 1920 г. Фактически институт был создан в 1921 г. В 1925 г. Педологический институт был слит с Институтом методов школьной работы (ИМШР, в 1930 г. переименован в Институт марксистско-ленинской педагогики).

- (9) Научно-педагогический институт методов школьной работы Наркомпроса РСФСР создан в 1922 г. Неоднократно подвергался реорганизациям и переименованиям. С 1995 г. – Институт содержания и методов обучения Российской академии образования.
- (10) См., например: *Современный ребенок* / Под ред. К.Н. Корнилова и Н.А. Рыбникова. – М., 1923; *Дурново А.С., Радин Е.П.* Вопросы педологии в работе Наркомздрава по охране здоровья детей и подростков. – М., 1928; *Дурново А.С.* Этапы развития педологии и педагогики раннего детского возраста (в связи с обзором русской литературы за 1917–1927 гг.). – М., 1928; и др.
- (11) См.: *Шмидт В.Ф.* Психоаналитическое воспитание в Советской России: Доклад о Детском доме-лаборатории в Москве. – М., 2011; *Она же.* Дневник матери: первый год жизни: Психоаналитические и педагогические труды В.Ф. Шмидт. – М., 2009. – Т. 1; *Она же.* Дневник матери. Второй и третий годы жизни: Психоаналитические и педагогические труды В.Ф. Шмидт. – М., 2010. – Т. 2.
- (12) См.: *Дурново А.С.* Антропометрия в практике врача и педолога. – М., 1928. – С. 5; Антропометрические измерения детей (унификация методики массовых исследований детей и подростков): Сб. ст. / под ред. А.С. Дурново. – М., 1923. – С. 71.
- (13) См.: *Радин Е.П.* Что делает Советская власть для охраны здоровья детей. – Вятка, 1921. – С. 33–34; *Узданский А.В.* Без фундамента не может держаться вершина // *Радин Е.П. Узданский А.В.* Ко второй годовщине Октябрьской революции. – М., 1919. – С. 20–22.
- (14) Цит. по: *Конюс Э.М.* Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917–1940). – М., 1954. – С. 123.
- (15) В 1936 г. в Управлении детскими домами Наркомпроса РСФСР был создан специальный отдел детских домов для испанских детей (ликвидирован в 1951 г.).
- (16) Красная Москва, 1917–1920 гг. – М., 1920. – Ст. 433.
- (17) ГАРФ. – Ф. Р-5207. – Оп. 1. – Д. 1634. – Л. 4.
- (18) Подробнее об этом см.: *Смирнова Т.М.* «Лучше вывести и расстрелять»: Советская власть и голодные дети (1917–1923 гг.) // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2003. – М., 2003. – С. 226–245; *Она же.* Дети лихолетья: Повседневная жизнь советских детдомовцев. 1917 – начало 1920-х гг. // Материнство и детство в России XVIII–XXI вв. – М., 2006. – Ч. I. – С. 255–299.
- (19) 1 золотник = 4,266 грамм.
- (20) ГАРФ. – Ф. Р-5207. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 209.
- (21) Там же. – Д. 34. – Л. 16.
- (22) 1 русский фунт = 0,40951241 кг = 96 зол.
- (23) ГАРФ. – Ф. Р-5207. – Оп. 3. – Д. 19. – Л. 19. К сожалению, в материалах Деткомиссии по учету норм продовольственного обеспечения детских учреждений нет единообразия. Если в документах 1920-х гг. указываются суточные пайки, а вес продуктов указан в золотниках, то в аналогичных документах 1930-х гг. приводятся месячные и годовые нормы потребления на человека, а вес продуктов указан в граммах и килограммах. В целях сопоставимости данных нормы питания по возможности были пересчитаны автором на ежедневный паек.
- (24) ГАРФ. – Ф. Р-5207. – Оп. 1. – Д. 1645. – Л. 4.
- (25) Там же. – Л. 55 об.
- (26) Там же. – Л. 46–55.
- (27) Там же. – Оп. 3. – Д. 29. – Л. 13.
- (28) Там же. – Л. 4–5.

- (29) Там же.
- (30) См., напр.: там же. – Д. 1708. – Л. 13–20.
- (31) См., напр.: там же. – Д. 34. – Л. 4–5, 44–45; Д. 1708. – Л. 15, 17–20.
- (32) Там же. – Д. 19. – Л. 8.
- (33) Там же. – Д. 1708. – Л. 13.
- (34) Там же. – Д. 29. – Л. 4–5.
- (35) Подробнее об этом см.: Смирнова Т.М. Дети Советской России... – С. 486–528.
- (36) См., напр.: ГАРФ. – Ф. Р-5207. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 17 об; Д. 26. – Л. 72; Д. 48. – Л. 33; Д. 82. – Л. 24; Д. 102. – Л. 27; и др.
- (37) Подробнее см.: Смирнова Т.М. «Лучше вывести и расстрелять»... – С. 226–245.
- (38) ГАРФ. – Ф. Р-5207. – Оп. 3. – Д. 19. – Л. 95–94.
- (39) Там же. – Д. 29. – Л. 15 об.
- (40) Там же. – Оп. 1. – Д. 1718. – Л. 2–5, 9.
- (41) Дербуков Н. Плюсы и минусы в детских домах (По данным инспекторского обследования сети детских домов) // Школа и жизнь. – 1926. – № 11. – С. 53.
- (42) ГАРФ. – Ф. Р-5207. – Оп. 1. – Д. 1718. – Л. 2–5, 8, 9.
- (43) Там же. – Оп. 3. – Д. 29.
- (44) Там же. – Д. 8. – Л. 74 об; см. также: Д. 17. – Л. 42; Д. 41. – Л. 11; Д. 48. – Л. 70.
- (45) Там же. – Д. 48. – Л. 13; Д. 70. – Л. 24.
- (46) Подробнее о «чистках» совapparата см.: Смирнова Т.М. «Вычистить с корнем социально-чуждых»: Нагнетание классовой ненависти в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и ее влияние на повседневную жизнь советского общества (по материалам «чисток совapparата» Москвы и Московской области) // Россия в XX веке. Реформы и революция. – М., 2002. – Т. 2. – С. 187–205; Она же. Чистки совapparата как часть советской повседневности 1920–1930-х гг. // Вестник РУДН. Сер. «История России». – 2009. – № 3. – С. 103–120.
- (47) См.: ГАРФ. – Ф. Р-5207. – Оп. 3. – Д. 29; Д. 34.
- (48) Там же. – Оп. 3. – Д. 29. – Л. 4–5; Оп. 19. – Л. 107.
- (49) Там же. – Оп. 3. – Д. 29. – Л. 15 об.
- (50) См.: там же. – Д. 29.
- (51) Там же. – Д. 34. – Л. 45.
- (52) Там же. – Д. 29. – Л. 15 об, 22.
- (53) Там же. – Д. 35. – Л. 90–102.
- (54) Подробнее о положении в детских учреждениях для морально-дефективных см.: Смирнова Т.М. Дети Советской России... – С. 486–528.
- (55) ГАРФ. – Ф. Р-5207. – Оп. 1. – Д. 82. – Л. 24.
- (56) Там же. – Оп. 3. – Д. 29. – Л. 4–5.
- (57) Там же. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 12.
- (58) Там же. – Оп. 3. – Д. 35. – Л. 91.
- (59) Там же. – Оп. 1. – Д. 1645. – Л. 62, 94.
- (60) Там же. – Д. 1771. – Л. 117.

**ORPHANAGES AND «TRUDKOLONIYAS» (WORK-HOUSES):
«STATE CHILDREN» LIFE IN SOVIET RUSSIA IN 1920–1930S**

T.M. Smirnova

Centre of Research of Contemporary History of Russia and Political Science
Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
Dmitry Ulyanov Str., 19, Moscow, Russia, 117036

The article analyzes the Soviet way of upbringing the so-called abandoned children (i.e. the children who had no parental custody and were placed to closed children's institutions) in the 1920–1930s. Particular attention is paid to the problems of financing and provision of children's institutions of different jurisdictions, to the upbringing methods of «morally defective» children and juvenile offenders, to the issues of educators' recruitment as well as the effectiveness of their work control by the Soviet and party bodies.

Key words: Soviet childhood, abandoned children, orphanage, labour colonies, children's ration, morally defective children, Narkompros.